

## ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ДИСКУССИЯ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Курбанова Фарзона

Магистрант Ташкентского государственного юридического университета, направление «Медиация и альтернативные методы разрешения споров».

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20043650>

**Аннотация.** Настоящая статья посвящена одной из наиболее дискуссионных проблем современной правовой науки - вопросу о правосубъектности систем искусственного интеллекта. Статья анализирует три основные научные позиции по данному вопросу, исследует подходы Европейского союза и Соединённых Штатов Америки, рассматривает состояние законодательства Республики Узбекистан и формулирует авторскую позицию, основанную на функциональном подходе. Делается вывод о том, что признание ИИ самостоятельным субъектом права является преждевременным, однако законодательное закрепление чёткого правового статуса ИИ необходимо для обеспечения эффективной защиты граждан.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, правосубъектность, электронное лицо, правовой статус ИИ, объект права, субъект права, цифровое право, Узбекистан.

### 1. Введение

Современные системы искусственного интеллекта всё активнее проникают в сферы, традиционно требующие участия человека: они заключают коммерческие сделки, создают литературные и художественные произведения, принимают медицинские и юридические решения, управляют финансовыми активами. Как справедливо отмечают исследователи, системное использование искусственного интеллекта в конкретных видах деятельности порождает ряд специфических правовых проблем, требующих безотлагательного решения (Глембаева, 2021). Подобная активность неизбежно ставит перед правоведами фундаментальный вопрос: кем является искусственный интеллект с точки зрения права, субъектом, способным иметь права и нести обязанности, или лишь инструментом в руках человека?

Ответ на этот вопрос имеет далеко не академическое значение. От него напрямую зависит, кто несёт ответственность за вред, причинённый автономной ИИ-системой; кому принадлежат права на созданные ею произведения; кто является стороной сделки, совершённой алгоритмом без участия человека. Как подчёркивают Понкин и Редькина (2018), несмотря на широкое применение технологий ИИ, до сих пор нет общепринятого определения искусственного интеллекта как объекта права, что существенно затрудняет выработку правовых механизмов. Действующие правовые системы большинства государств, включая Узбекистан, знают лишь два вида субъектов права - физических и юридических лиц.

Цель настоящей статьи проанализировать существующие научные позиции по вопросу правосубъектности ИИ, рассмотреть опыт ведущих правовых систем мира и на этой основе сформулировать предложения для законодателя Республики Узбекистан.

### 2. Понятие правосубъектности и его применимость к ИИ

В общей теории права правосубъектность традиционно понимается как способность лица быть участником правовых отношений.

Она включает два элемента: правоспособность, способность иметь права и обязанности и дееспособность, способность своими действиями приобретать права и исполнять обязанности.

Применительно к физическим лицам правоспособность возникает с момента рождения и неотчуждаема; для юридических лиц - с момента государственной регистрации.

Признание субъектом права влечёт три принципиальных практических последствия, каждое из которых непосредственно значимо в контексте ИИ. Во-первых, субъект права может самостоятельно нести юридическую ответственность за причинённый вред. Во-вторых, субъект права может выступать стороной договора. В-третьих, субъект права может быть носителем исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Именно последнее последствие вызывает особый интерес исследователей ввиду стремительного развития генеративного ИИ (Коданева, 2021).

Пока ИИ не признан субъектом права, он остаётся объектом, подобно автомобилю или производственному станку. Как аргументирует Василевская (2021), искусственный интеллект как результат комплексного программирования является сложным объектом гражданских прав, в составе которого находятся различные структурные элементы, результаты интеллектуальной деятельности. Все юридически значимые последствия действий ИИ автоматически возлагаются на людей, стоящих за ним. Этот подход прост и понятен, однако при высокой степени автономности ИИ-системы он порождает серьёзную проблему: связь между действием алгоритма и конкретным человеком, который должен нести ответственность, становится всё более опосредованной.

### **3. Основные научные позиции о правовом статусе ИИ**

#### **3.1. ИИ как инструмент: отрицание правосубъектности**

Наиболее широко распространённая в правовой доктрине позиция состоит в том, что искусственный интеллект не может и не должен признаваться субъектом права.

Данную позицию последовательно отстаивает Василевская (2021), которая аргументирует вывод об ошибочности признания правосубъектности искусственного интеллекта и подчёркивает, что ИИ-система функционирует в соответствии с заложенными в неё алгоритмами и не обладает подлинной автономией в философском смысле. Аналогичной позиции придерживаются и авторы, указывающие на опасность завышенных ожиданий от ИИ и излишней сакрализации данной технологии в юридической науке (Незнамов & Савельев, 2021).

С практической точки зрения данная позиция означает, что за действиями любой ИИ-системы всегда стоит конкретный человек или организация - разработчик, оператор или пользователь, которые и должны нести все юридические последствия. Данный подход сохраняет логическую целостность правовой системы и не требует её кардинальной перестройки.

#### **3.2. Концепция «электронного лица»**

Принципиально иную позицию предложил Европейский парламент в резолюции 2017 года, рекомендовавшей Европейской комиссии рассмотреть возможность введения специального правового статуса «электронного лица» для наиболее сложных автономных роботов и ИИ-систем (European Parliament, 2017). Предполагалось, что такие системы могли бы от своего имени нести ответственность за причинённый вред.

В русскоязычной доктрине вопрос о возможности наделения ИИ правосубъектностью «электронного лица» активно обсуждается с целью обеспечить возможность несения ими юридической ответственности за правонарушения, совершённые в процессе функционирования технологии (Право и государство, 2022).

Критики концепции, однако, справедливо указывают на её принципиальный изъян: юридическое лицо является правовой фикцией, созданной людьми для обслуживания человеческих интересов, тогда как ИИ-система не имеет собственных интересов, которые право призвано защищать. В результате Европейская комиссия отклонила данное предложение.

### **3.3. Функциональный подход как компромисс**

Третья позиция, получающая всё большее распространение в современной доктрине, предлагает отказаться от попыток дать универсальный ответ на вопрос о правосубъектности ИИ и перейти к функциональному подходу. Его суть состоит в следующем: вместо того чтобы решать абстрактный философский вопрос о природе ИИ, право должно сосредоточиться на конкретных практических задачах - определить, кто и при каких условиях несёт ответственность за действия ИИ-системы (Тлембаева, 2021).

Как обосновывают исследователи современных потребностей правового обеспечения ИИ, необходимо прежде всего определить границы правосубъектности участников правоотношений с ИИ и чётко разграничить ответственность собственника, оператора и разработчика системы (Гринь и др., 2022). Именно этот функциональный подход реализован в наиболее развитых системах регулирования ИИ, прежде всего в праве Европейского союза (European Parliament & Council, 2024).

## **4. Правовой статус ИИ в зарубежном законодательстве**

### **4.1. Европейский союз**

Европейский союз занял наиболее чёткую и последовательную позицию по вопросу правосубъектности ИИ. Регламент об ИИ (AI Act, Regulation (EU) 2024/1689), вступивший в силу в августе 2024 года, принципиально не наделяет ИИ-системы каким-либо правовым статусом субъекта (European Parliament & Council, 2024). ИИ рассматривается исключительно как инструмент, а вся система регулирования выстраивается вокруг обязанностей и ответственности людей, провайдеров и операторов систем.

Вместе с тем право ЕС демонстрирует практическое применение функционального подхода: не отвечая на вопрос о природе ИИ, оно детально регулирует правовые последствия его действий. Директива о продуктовой ответственности 2024 года (Directive (EU) 2024/2853) распространила режим ответственности за дефектный продукт на программное обеспечение и ИИ-системы, создав тем самым эффективный механизм защиты пострадавших без необходимости признания ИИ субъектом права.

### **4.2. Соединённые Штаты Америки**

Американские суды последовательно придерживаются позиции, согласно которой ИИ не может быть субъектом права ни в каком качестве. В деле *Thaler v. Vidal* (Federal Circuit, 2022) суд постановил, что изобретателем по смыслу патентного законодательства может быть только физическое лицо — человек, но не искусственный интеллект (*Thaler v. Vidal*, 2022). Аналогичный вывод был сделан в деле *Thaler v. Perlmutter* (D.D.C., 2023): произведение, созданное ИИ-системой без творческого участия человека, не подлежит

охране авторским правом, поскольку авторское право изначально ориентировано на защиту человеческого творчества (Thaler v. Perlmutter, 2023).

Данные решения отражают общую тенденцию американского права: вопрос о правосубъектности ИИ решается не законодателем, а судами в процессе применения действующих норм к новым ситуациям. При этом суды неизменно исходят из того, что субъектом права может быть только человек или созданная им организация.

### **5. Правовой статус ИИ в законодательстве Республики Узбекистан**

Гражданский кодекс Республики Узбекистан признаёт субъектами гражданского права физических и юридических лиц, а также в установленных случаях Республику Узбекистан и её административно-территориальные единицы (ГК РУз, 1996).

Искусственный интеллект в качестве субъекта права в действующем законодательстве не упоминается.

Закон об ИИ, принятый Сенатом Олий Мажлиса в ноябре 2025 года, впервые ввёл в узбекское право легальное определение искусственного интеллекта (Олий Мажлис РУз, 2025). Вместе с тем данный закон не содержит прямого указания на правовой статус ИИ как объекта или субъекта права. По системному толкованию норм гражданского законодательства ИИ-система в Узбекистане может квалифицироваться лишь как объект гражданских прав, разновидность программного обеспечения или имущества.

Такая неопределённость порождает практические трудности. Как справедливо отмечает Ёкубов (2025), автономные системы ИИ, способные к самостоятельному принятию решений, де-факто выходят за рамки классического понимания объекта права, что создаёт правовой вакуум в вопросах распределения ответственности. Это открывает возможности для злоупотреблений: недобросовестные операторы ИИ-систем могут уклоняться от ответственности, ссылаясь на «самостоятельность» алгоритмического решения. Стратегия развития ИИ до 2030 года (Президент РУз, 2024) намечает ориентиры институционального развития, однако также не затрагивает вопрос о правовом статусе ИИ.

### **6. Авторская позиция и предложения**

По результатам проведённого анализа представляется, что признание искусственного интеллекта полноправным субъектом права в современных условиях представляется не только преждевременным, но и концептуально необоснованным. Как показывает Василевская (2021), признание правосубъектности ИИ является ошибочным, поскольку ИИ-система представляет собой сложный объект гражданских прав, а не носителя самостоятельной воли и интересов. Наделение ИИ правосубъектностью создало бы опасный прецедент размывания ответственности, от которого в первую очередь пострадали бы граждане.

Вместе с тем правовая неопределённость в отношении статуса ИИ недопустима. В этой связи полагается наиболее целесообразным реализацию функционального подхода: законодательное закрепление ИИ в качестве объекта права с одновременным чётким определением круга лиц, несущих ответственность за его действия. Во-первых, дополнить Гражданский кодекс Республики Узбекистан нормой, прямо закрепляющей статус ИИ-системы как объекта гражданских прав — особого вида программного обеспечения, обладающего способностью к автономному принятию решений (ГК РУз, 1996); во-вторых, установить законодательную презумпцию ответственности оператора ИИ-системы за юридически значимые действия, совершённые данной системой; в-третьих,

создать государственный реестр автономных ИИ-систем с обязательным указанием ответственного оператора, что обеспечит идентифицируемость субъекта ответственности для пострадавших (Ёкубов, 2025).

### 7. Заключение

Вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта является одним из ключевых в современной правовой науке и имеет непосредственное практическое значение для защиты прав граждан. Проведённый анализ показывает, что мировое сообщество движется не по пути признания ИИ самостоятельным субъектом права, а по пути детального регулирования ответственности людей и организаций, стоящих за автономными системами (European Parliament & Council, 2024; Thaler v. Vidal, 2022).

Европейский союз и Соединённые Штаты Америки, исходя из различных правовых традиций, пришли к схожему выводу: ИИ остаётся инструментом, а все юридические последствия его действий возлагаются на разработчиков и операторов. Данный подход обеспечивает баланс между стимулированием технологических инноваций и надлежащей защитой интересов граждан.

Законодательство Республики Узбекистан нуждается в прямой норме, закрепляющей статус ИИ как объекта права и устанавливающей чёткий механизм ответственности за его действия. Принятие такой нормы позволит устранить существующую правовую неопределённость и создаст надёжную основу для дальнейшего развития правового регулирования в данной сфере.

### Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (1996). Глава 57 «Обязательства вследствие причинения вреда» (с изм. и доп.). Lex.uz. <https://lex.uz/docs/111181>
2. Василевская, Л. Ю. (2021). Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации. КиберЛенинка. <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-problemy-grazhdansko-pravovoy-kvalifikatsii>
3. Гринь, Е. С., Иванов, А. В., & Михайлов, А. В. (2022). Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта. КиберЛенинка. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta>
4. Ёкубов, Ш. (2025, 25 декабря). Успевают ли правовая система Республики Узбекистан за искусственным интеллектом? In Science. <https://inscience.uz/index.php/socinov/article/view/8052/7781>
5. Коданева, С. И. (2021). Трансформация интеллектуальной собственности под влиянием развития искусственного интеллекта. КиберЛенинка. <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-intellektualnoy-sobstvennosti-pod-vliyaniem-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta>
6. Незнамов, А. В., & Савельев, В. А. (2021). Искусственный интеллект: опасность завышенных ожиданий. КиберЛенинка. <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-opasnost-zavysennyh-ozhidaniy>
7. Олий Мажлис Республики Узбекистан. (2025, ноябрь). Закон «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики

- Узбекистан в связи с регулированием отношений, возникающих при применении искусственного интеллекта». <https://parliament.gov.uz>
8. Понкин, И. В., & Редькина, А. И. (2018). Искусственный интеллект с точки зрения права. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки, 22(1), 91–109. <https://journals.rudn.ru/law/article/view/18975>
  9. Право и государство: теория и практика. (2022). Правосубъектность искусственного интеллекта. КиберЛенинка. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta>
  10. Президент Республики Узбекистан. (2024, 14 октября). Постановление № ПП-358 «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года». <https://lex.uz/docs/7159258>
  11. Тлембаева, Ж. У. (2021). О некоторых подходах к правовому регулированию искусственного интеллекта. КиберЛенинка. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-podhodah-k-pravovomu-regulirovaniyu-iskusstvennogo-intellekta>
  12. European Parliament. (2017, February 16). Resolution with recommendations to the Commission on civil law rules on robotics (2015/2103(INL)). [https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051\\_EN.html](https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html)
  13. European Parliament & Council of the European Union. (2024). Regulation (EU) 2024/1689 laying down harmonised rules on artificial intelligence (AI Act). Official Journal of the European Union. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689>
  14. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022). <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cafc/21-2347/21-2347-2022-08-05.html>
  15. Thaler v. Perlmutter, No. 22-1564 (D.D.C. Aug. 18, 2023). <https://www.copyright.gov/rulings-filings/review-board/docs/thaler-ruling.pdf>